

Редьярд

Киплинг

Избранные стихотворения

Предисловие

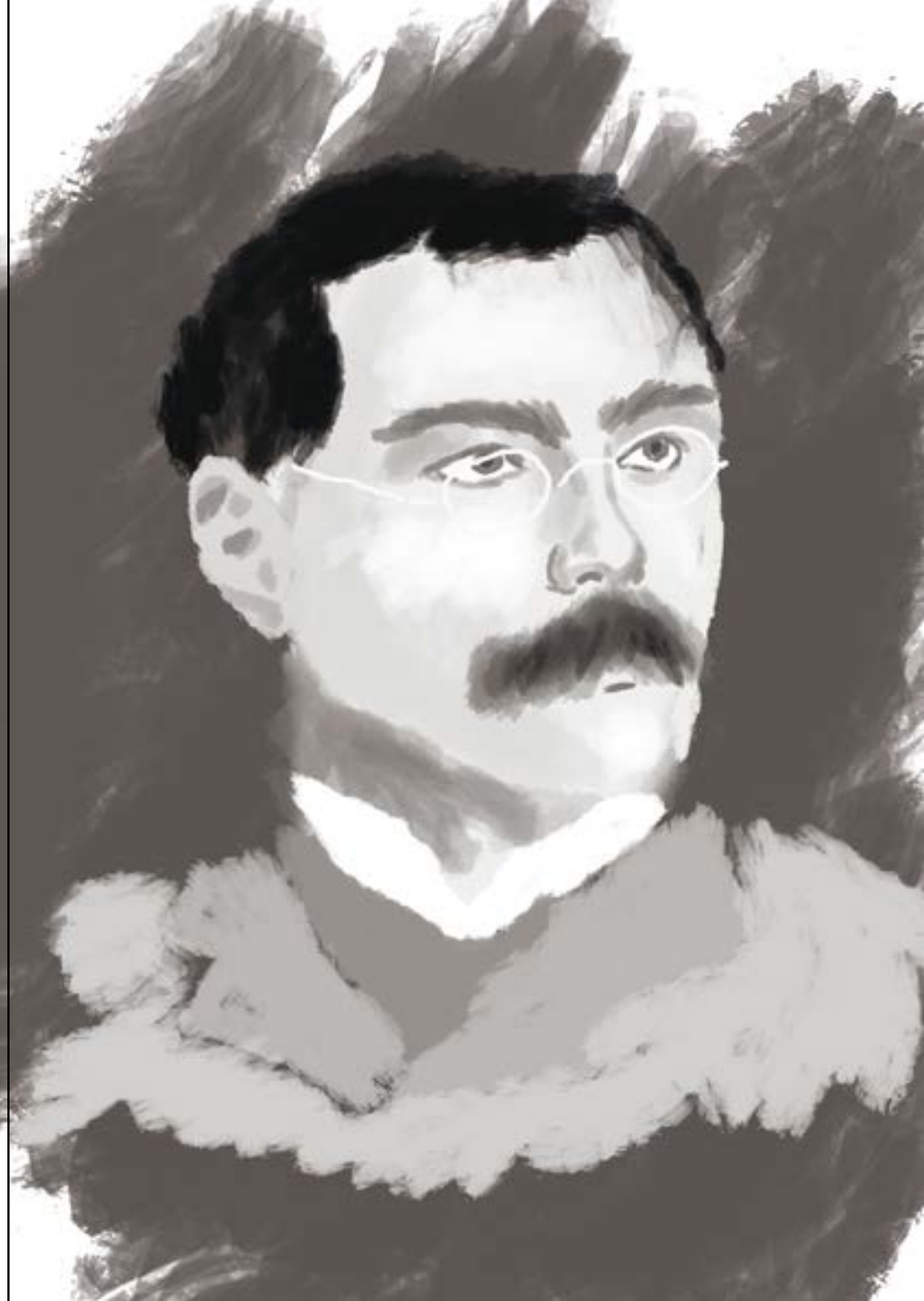
Киплинг выпало пережить и славу, и равнодушие вчерашних почитателей, хуже того — их горькие и злые выпады по адресу обманувшего, несостоятельного кумира. В начале века ему поклонялись почти как оракулу, после первой мировой войны — поносили так, словно он больше всех был повинен в жестокой судьбе поколения, которое полегло под Верденом и на Марне.

Первым из англичан он удостоился в 1907 г. Нобелевской премии по литературе, и никого не удивил выбор шведских академиков. Куприн тогда же писал Киплингу, что он «оригинален, как никто другой в современной литературе». Это было чуть ли не единодушное мнение. Кто бы подумал, что оно переменится так скоро! Но пройдет всего два десятка лет, и Ричард Олдингтон на страницах «Смерти героя» развенчает поэта, который заставлял учащенно биться сердца стольких подростков во времена своих триумфов.

Олдингтон процитирует заключительную строку знаменитой киплинговской «Заповеди»: «Тогда, мой сын, ты будешь Человек» с единственной целью прокомментировать ее от имени уцелевших, когда «пульсировали спазмами перерезанные артерии Европы». И его комментарий легко предугадуем: «Не научившись убивать, вы никак не можете стать человеком, а тем более — джентльменом».

В окопах герой Олдингтона, капитан, оборвав его вопль «Ради бога, добейте меня! Добейте!», скосит пулеметная очередь, вспомнит колледж, своего директора, старавшегося «воспитать мужественных, храбрых ребят». Там, в колледже, создали группу военного обучения, которой руководил старшина Браун. Школьникам прививали навыки, которые понадобятся, когда придет пора защитить Отечество, и главное — дисциплину. Вот ее-то и не доставало Джорджу Уинтерборну — «дисциплины. Он чересчур своеволен и независим».

*„Слова — самый сильный наркотик из всех, которые
изобрело человечество.“ Редьярд Киплинг...*

Дурак

Жил-был дурак. Он молился всерьез
(Впрочем, как Вы и Я)

Тряпкам, костям и пучку волос -
Все это пустою бабой звалось,
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

О, года, что ушли в никуда, что ушли,
Головы и рук наших труд -
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем - не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Что дурак растранижил, всего и не счесть
(Впрочем, как Вы и Я) -
Будущность, веру, деньги и честь.
Но леди вдвое могла бы съесть,
А дурак -на то он дурак и есть
(Впрочем, как Вы и Я).

О, труды, что ушли, их плоды, что ушли,
И мечты, что вновь не придут, -
Все съела она, не хотевшая знать
(А теперь-то мы знаем - не умевшая знать),
Ни черта не понявшая тут.

Когда леди ему отставку дала
(Впрочем, как Вам и Мне),
Видит Бог! Она сделала все, что могла!
Но дурак не приставил к виску ствола.
Он жив. Хотя жизнь ему не мила.
(Впрочем, как Вам и Мне.)

В этот раз не стыд его спас, не стыд,
Не упреки, которые жгут, -
Он просто узнал, что не знает она,
Что не знала она и что знать она
Ни черта не могла тут.

Серые глаза - Рассвет...

Серые глаза - рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза - жара,
В море сонных звезд скольжение,
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Синие глаза - луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза - песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю - в том нет вины -
Все четыре этих цвета.

За цыганской звездой

Мохнатый шмель - на душистый хмель,
Мотылек - на вьюнок луговой,
А цыган идет, куда воля ведет,
За своей цыганской звездой!

А цыган идет, куда воля ведет,
Куда очи его глядят,
За звездой вослед он пройдет весь свет -
И к подруге придет назад.

От палаток таборных позади
К неизвестности впереди
(Восход нас ждет на краю земли) -
Уходи, цыган, уходи!

Полосатый змей - в расщелину скал,
Жеребец - на простор степей.
А цыганская дочь - за любимым в ночь,
По закону крови своей.

Дикий вепрь - в глушь торфяных болот,
Цапля серая - в камыши.
А цыганская дочь - за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души.

И вдвоем по тропе, навстречу судьбе,
Не гадая, в ад или в рай.

Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за край!

Так вперед! - за цыганской звездой кочевой -
К синим айсбергам стылых морей,
Где искрятся суда от намерзшего льда
Под сияньем полярных огней.

Так вперед - за цыганской звездой кочевой
До ревущих южных широт,
Где свирепая буря, как Божья метла,
Океанскую пыль метет.

Моя соперница

Зачем я на балы хожу,
На вечеринках маюсь,
Там в одиночестве сижу,
Весёлой притворяюсь?
Ведь ладан мой, в том спору нет,
Сопернице кадят;
Обидно! Мне семнадцать лет,
А ей под пятьдесят.

Румянец волен побледнеть,
Сбежать со щёк без спроса;
Могу до пальцев покраснеть,
Бывало и до носа.
Бела, где принято, она,
Всегда красна, где надо,
Слинял румянец, но прочна
И в пятьдесят помада.

Сдержать волнение не могу,
До алых щёк смущаюсь,
Когда шучу и на бегу,
Петь песенки пытаюсь.
Я так застенчива, сил нет!
Не поднимаю взора,
Ведь мне всего семнадцать лет
А ей пол - века скоро.

Юнцы на зов её бегут,
Хоть в бабушки годится;
В ногах лежат, награды ждут,
Ласкает, не стыдится.
Попросит мальчики спешат,
За рикшею вдогонку,
Терплю, ведь ей под пятьдесят,
А я совсем девчонка.

Мужчины бегают толпой,
Зовёт мои «сыночки»;
А я всё время сиротой,
Катаюсь в одиночку.
Не помогает мне наряд,
Из бархата и шёлка,
Пока не стукнет пятьдесят,
От роскоши нет толка.

Наше море

Наше море кормили мы тысячи лет
И поныне кормим собой,
Хоть любая волна давно солона
И солон морской прибой:
Кровь англичан пьет океан
Веками — и всё не сыт.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, счёт покрыт!

Поднимает здесь любой прилив
Доски умерших кораблей,
Оставляет здесь любой отлив
Мертвецов на сырой земле —
Выплывают они на прибрежный песок
Из глухих пропастей дна.

Если жизнью надо платить за власть —
Господи, жизнью платить за власть! —
Мы заплатили сполна!

Нам кормить наше море тысячи лет
И в грядущем, как в старину.
Нам, давным-давно пошедшим на дно,
Или вам, идущим ко дну, —
Всем лежать среди снастей своих кораблей,
Среди останков своих бригантин.
Если жизнью надо платить за власть —
Господи, жизнью платить за власть,
Господи, собственной жизнью за власть! —
Каждый из нас властелин!

Наши предки

Наши предки знавали целебные травы:
Боль облегчить и болезни лечить.

Травы лечебные, не для забавы —
Сколько могли их в полях различить!

Фиалковый корень, валериана,
Кукушкины слёзки — выбор велик.

Звали так звонко их, нежно и странно:
Рута, вербена и базилик.

Все травы, что лезли из влажной земли,
Предкам полезными быть могли.

Наши предки знавали массу историй,
Легенд о связи трав и планет.

Подчинялся Марсу фиалковый корень,
Солнцу — подсолнух и первоцвет.

Праотцы вычисляли сферы,
Для каждой планеты свой час наступал.

Хозяйка розы, конечно, Венера,
Юпитер дубом всегда управлял.

Есть об этом в старинной книге рассказ,
Наши предки его донесли до нас.

Наши предки знали о жизни так мало,
Так мало знали в прежние дни.

Их лечение, бывало, людей убивало,
И в ученье своём ошибались они.

«Причину болезни в небе ищите, —
Они повторяли вновь и вновь. —

Ставьте пиявок — кровь отворите,
Пиявок ставьте — пускайте кровь».

Был метод несложен, был метод лих —
Но сколько ошибок случалось у них!

Но если, и травы презрев, и планеты,
Болезнь наводняла нашу страну —

Твёрдой рукой они брали ланцеты
И какую бесстрашно вели войну!

Кресты на дверях начертаны мелом,
Объезжал фургон с мертвецами дворы,

А предки своим были заняты делом —
Как отважны были они и храбры!

Закон Джунглей

Внемлите Закону Джунглей, он стар как небесная твердь,
Послушный Волк преуспее, но ждёт нарушителя смерть.
Как питон, что ствол обвивает, в обе стороны действен Закон:
Стая сильна лишь Волком, а Волк лишь Стаей силён.
Пейте вволю, но в меру, и мойтесь от носа и до хвоста,
Спите днём, — для охоты ночная предназначена темнота.
Пусть Шакал подбирает за тигром, — ты, безусый Волчонок, не смей!
Помни — Волк природный охотник, пищу сам добывать умей!
С владыками — Тигром, Пантерой и Медведем не ссорься, ни-ни!
Не тревожь молчащего Хати, Кабана в кустах не дразни!
Если в Джунглях две стаи сойдутся, приляг в сторонке и жди:
Может быть, к обоюдному благу договорятся Вожди.
С Волком из собственной Стаи сражайся в честном бою;
Тот, кто ввяжется в ваш поединок, ослабляет Стаю свою.
В логове Волк — хозяин, и защитный Закон таков,
Что там и Вожак не властен и даже Совет Волков.
Если логово слишком открыто и в нём убежища нет,
Ты должен сыскать другое, — так решает Совет.
До полуночи убивая, не взбудораживай лес,
Не спугни второго оленя, — он нужен другим позарез.
Для себя, Волчат и Волчицы убивай, если в пище нужда,
Но нельзя убивать для потехи, Человека же — НИКОГДА.
Право Стаи — право слабейших; коль добычу у них довелось
Отобрать, не ешь без остатка, но им шкуру и голову брось.
Ешь добычу Стаи на месте, набивай до отвала пасть,
Но умрёт любой, кто в берлогу унесёт хоть малую часть.
Волк — хозяин своей добычи, и не смеет Стая, пока
Он не даст на то разрешенья, от мяса урвать ни клочка.
Годовалый Волчонок вправе, если убийца сыт,
Достать свою долю мяса, — отказ ему не грозит.
Право Логова — Матери право; от каждой добычи она
Для выводка заднюю ногу должна получить сполна.
Вправе Отец в одиночку семье добывать обед;
Он волен от вызовов Стаи, судья ему — только Совет.
Вожак — это сила и опыт, и ведомо испокон,
Что там — где Закон не предвидит, приказ Вожака — Закон.
Блюда же Законы Джунглей, их много, от них не спастись,
У них голова и копыто, горб и бедро: подчинись!

Единственный сын

На засов тугой закрыла дверь, в очаг подбросила дров,
Потому что увидела блеск когтей и услышала хнычущий зов.
Распелся в хижине огонь и озарил потолок,
И увидел сон Единственный Сын, едва на полу прилег.
Последний пепел упал с головни, и почти потух очаг,
И проснулся опять Единственный Сын и тихо крикнул во мрак:
«Неужели я женщиной был рожден и знал материнскую грудь?
Мне снился ворох мохнатых шкур, на которых я мог отдохнуть.
Неужели я женщиной был рожден и ел из отцовской руки?
Мне снилось, что защищали меня сверкающие клыки.
Неужели я - Единственный Сын и один играл у огня?
Мне снились товарищи мои, что больно кусали меня.
Неужели я ел ячменный хлеб и водой запивал наяву?
Мне снился козленок, ночью глухой зарезанный в хлеву.
Мне снились полночные небеса, и в Джунглях полночный крик,
И тени, скользящие прочь от меня, и красный их язык.
Целый час еще, целый час еще до восхода круглой луны,
Но я вижу как днем, как светлым днем, потолок и бревна стены.
Далеко, далеко Водопады шумят - там оленей ночной водопой,
Но я слышу блеянье оленят, за самкой бегущих тропой.
Далеко, далеко Водопады шумят - там зеленой пшеницы поля,
Но я слышу: рассветный ветер идет, колосья в полях шевеля.
Открой же дверь, я ждать не могу, мне сегодня не спится тут,
Узнаю: сородичи ли мои или волки за дверью ждут?»
Сняла засов, открыла дверь - вокруг рассветная мгла,
И волчица к Сыну вышла из мглы и у ног покорно легла.

Если в стеклах каюты

Если в стеклах каюты
Зеленая тьма,
И брызги взлетают
До труб,
И встают поминутно
То нос, то корма,
А слуга, разливающий
Суп,
Неожиданно валится
В куб,

Если мальчик с утра
Не одет, не умыт
И мешком на полу
Его нянька лежит,
А у мамы от боли
Трещит голова
И никто не смеется,
Не пьет и не ест, -
Вот тогда вам понятно,
Что значат слова:
Сорок норд,
Пятьдесят вест!

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твоё же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен всё воссоздавать с основ.
Умей поставить в радостной надежде,
На карту всё, что накопил с трудом,
Всё проиграть и нищим стать как прежде
И никогда не пожалеть о том,
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Будь честен, говоря с толпой;
Будь прям и твёрд с врагами и друзьями,
Пусть все в свой час считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неуловимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь как владенье
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Любовь и Смерть

Любовь и Смерть, закончив бой,
Сошлись в таверне «Род людской»
И, выпив, побросали спьяну
Они в траву свои колчаны.

А утром поняли, что вот
Где чья стрела — чёрт не поймёт!
И стали собирать скорей

В траве любовь и жизнь людей,
Не видя в утреннем тумане,
Чьи стрелы были в чьём колчане:
Смерть кучу стрел Любви взяла
И только позже поняла,

Что эти стрелы ей отвратны.

Ну, а Любовь взяла, понятно,
Смертельных стрел весьма немало,
Которых вовсе не желала.

Вот так в таверне роковой
Произошёл конфуз большой:
Но кто и чьей сражён стрелой?
Влюбляется старик седой
И умирает молодой.

Содержание

Дурак	5
Серые глаза - Рассвет...	6
За цыганской звездой	9
Моя соперница	10
Наше море	13
Наши предки	14
Закон Джунглей	17
Единственный сын	18
Если в стеклах каюты	21
Заповедь	22
Любовь и Смерть	25

